

К. С. Пигров

**ГОРОД И «ОРГАНИЗАТОРЫ БОЛЬШОГО СТИЛЯ»
(Санкт-Петербург и С. П. Дягилев — С. П. Королев)**

Любая цивилизация представляет собой естественно-исторический феномен. Но, будучи таким «географическим» по сути явлением (как и «этнос» в концепции Л. Н. Гумилева), цивилизация в то же время есть и нечто иное. На некоторой относительно небольшой территории в определен-

ном времени она непостижимым на первый взгляд образом достигает небывалой концентрации, объединяет тысячи людей, действующих согласно, совместно — в соответствии с некоторыми общими принципами, программами и планами, которые, по сути, не имеют отношения к непосредственному

выживанию и умножению человеческой «биомассы» в окружающей среде.

«Посредником» между стихией географической среды и высшими ценностями человека оказывается прежде всего *город*. Мы в нашем рассуждении выделяем Санкт-Петербург как некое знаковое явление для модернизации русской цивилизации и рассматриваем его прежде всего в антиномиях целей и средств. Петербург, этот город «трагического империализма», представляет собой парадоксальное напряжение между целями и средствами в рамках цивилизации как целесообразной системы. Поначалу он, задуманный с вполне определенной целью (как форпост и градостроительная авантюра), был вызывающе необходим и одновременно «неуместен» в этой финской природе — в консервативной культурной вселенной Западной Европы.

Старые цели ушли. Никто теперь не думает Петербургом «грозить шведу». Но средства остались. Петербург из «только средства» стал самоцелью и выражением той российской новоевропейской цивилизации, которой он в известном смысле тождествен. Мы и до сих пор живем в героическом усилии только для того, чтобы хотя бы сохранить это сыплющееся из рук наследство средств, которое мы неосмотрительно еще и умножаем, хотя цели во многом «забыты».

Если от цивилизации — необходимым образом через концепт города — идти дальше к пониманию ее оборачивания в культуру, мы приходим к *выдающимся людям*, лидерам, руководителям. Это не только политики в широком смысле, например, те деятели, с реальным или мифическим именем которых прямо или косвенно связан любой город (как, например, Ромул связан с Римом). Наш город связан не только с теми, кто запечатлен в названии (Петр I и В. И. Ленин). Есть и еще ряд имен, которые немислимы без города, как и город немислим без них.

Именно город в единстве со своими выдающимися людьми позволяет говорить, в конечном счете, о цивилизации как о едином *супранатуральном* целом, которое есть не только биологический объект, существующий в некоторой среде, но и «*субъект*», обладающий свободой воли, коллективным разумом. Возникновение города, как и имена его основателей, — это первый шаг на пути к превращению цивилизации в *субъекта* — в том качестве, в котором цивилизации могут вступать в диалог, творить историю, нести ответственность и вину за содеянное. Именно в таком качестве цивилизации предстают не только как естественно-исторический феномен, но и как *феномен культуры* — феномен, имеющий связь с Абсолютом. Цивилизация становится из естественно-исторического объекта культурным субъектом благодаря тому, что в каждой цивилизации, достигающей в городе высокого напряжения, возникают руководители, лидеры, вожди, великие люди, «организаторы большого стиля» (термин О. Шпенглера), которые идентифицируются с этой цивилизацией и персонифицируют ее либо целиком, либо в том или ином регионе — на том или ином этапе ее развития.

Руководитель обладает повышенной способностью активно *идентифицировать* себя с обществом. Операция идентификации — необходимое условие бытия личности руководителя и условие возможности существования как города, так и ци-

визации в качестве культурного целого. Руководитель — это тот, кто интенсивно «болеет» за общее дело всей цивилизации. В известном смысле он «растворяется» в этом социуме, радуется его «радостями», печалится его «печалями».

Однако идентифицированность индивида с социумом — необходимое, но не достаточное условие руководства. Любой рядовой человек также идентифицируется с социумом, к которому он принадлежит, хотя и не так интенсивно, как руководитель. Решающая операция, основная процедура, генерирующая руководителя, — это *процедура персонификации*. В целом руководитель, вождь, властитель — в первую очередь *человек персонифицирующий*, то есть человек представляющий. Это обстоятельство указывает на символическую природу фигуры руководителя. Руководитель в этом смысле, так же, как и город, всегда есть *символ* цивилизации, причем в ее высшем, абсолютном измерении.

С этой точки зрения руководитель — персонифицированная разумная, рациональная *воля*, которая противостоит биологической в своей основе стихии социума, просто существующего в своей повседневной жизни, «живущего, чтобы жить». Социум в естественной повседневной жизни обнаруживает инстинкт подчинения, люди в своей массе стремятся «выполнять указания», желательно простые и не противоречащие их естественным потребностям. Подлинный руководитель, напротив, всегда идет против течения, противопоставляя императив «безусловно надо» повседневной стихии «просто хочется». Психологически в этом плане руководить всегда «трудно»¹, а подчиняться психологически «легко», поскольку это соответствует социальной природе человека.

Что же персонифицирует руководитель? Он представляет высшее, супранатуральное измерение в человеческом бытии, персонифицирует трансцендентные ценности бытия социума. Руководитель — человек, персонифицирующий *вершину* в иерархической системе социума, устремленной к горизонту Абсолюта.

Особенно остро стали вопросы руководства в эпоху надлома новоевропейской цивилизации, характеризующейся небывалыми размерами и сложностью массового социума на фоне тотального «расколдования» мира, в условиях утери простых религиозных представлений у народа. Здесь, на поздних своих этапах, в известном смысле город «изменяет» культуре. Он обнаруживает тенденцию из форпоста культуры в своей секуляризации превращаться в выражение массовых стихий, в значительной мере теряет роль ведущего к культуре начала². Возникает острейшая проблема: как совладать со стихией массового городского общества, как справиться с «восстанием масс»? И там, где изменяет стихия самой городской среды, на помощь приходит бестрепетная устремленность руководителя, «напрямую» связанного с Абсолютом. Эта проблема во всей остроте обозначилась в XX в., но еще более актуальна она для XXI в.

¹ «Повелевать труднее, чем повиноваться... Попыткой и дерзновением казалось мне всякое повелевание, и, повелевая, живущий всегда рискует самим собою» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. Ю. М. Антоновского // *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 82).

² Так было уже в поздней Римской империи, когда Рим потерял свою культурообразующую функцию.

Расколдование мира, потеря городом своей сакральной функции оказались тесно связанными с тотальным кризисом руководства, лишаящегося священной легитимации. Руководить стало еще труднее. Руководители, властители дум нового массового общества предстали одинокими в своем противостоянии социальным естественно-историческим стихиям. Они были вынуждены взять на себя тяжкий крест ответственности и руководства, не имея опоры ни в религиозном сознании народа, ни в культуротворческой функции города. Перед ними возник вопрос, как овладеть этим страшным миллиардоголовым чудовищем — массой?

В XX в. выявились две новые силы, которые в большей или меньшей мере могут обуздать вырвавшиеся из-под контроля массы, — *искусство и техника*. Именно новое искусство и новая техника оказались способны вывести толпу из привязанности к сиюминутности, из ограниченности естественных потребностей, хотя при поверхностном взгляде они как раз «потакают» этим естественным потребностям.

Искусство и техника дают *устремленность в будущее* в искусстве (авангард) и в высоких технологиях, к которой примыкает постклассическое естествознание XX в. Это путь футуризма, который в XX в. (весьма несовершенным образом!) был «обеспечен» политикой в ее германском, российско-большевистском и американском вариантах.

Но современное единство искусства и техники, кроме футуризма, предполагает и *устремленность в прошлое*. Парадоксальным образом этот момент раскрылся в XX–XXI вв. как *постмодерн*. Он обнаруживается в культе истории как таковой, в религиозном по сути поклонении шедеврам искусства прошлого, в новом, «музейном» воссоздании традиционных форм религиозности. Сюда идет неуклонно нарастающая в XX в. «этническая озабоченность» как широких масс, так и интеллигенции, продолжающаяся и в XXI в. Сюда же относится и всплеск мистики, эзотеризма, теософии, сюда ложатся ос-

нования фундаментализма и консерватизма самой разной окраски. Но эта «уравновешивающая» футуризм тенденция постмодерна необходима ему, она подчинена главному в футуризме — устремленности в будущее. Ее функциональный смысл в том, чтобы сохранить преемственность с прошлым.

Сергей Павлович Королев, великий руководитель технических проектов, и Сергей Павлович Дягилев, великий организатор массового искусства, были двумя великими русскими футуристами, «организаторами большого стиля», которые в XX в. задали стилистику руководства большими массами на столетия вперед. Прямо или косвенно¹ их деятельность была определена Петербургом и определила сам Петербург.

Рассматривая их деятельность в единстве и выявляя взаимодействие с Петербургом, мы обнаруживаем возможности констелляции цивилизационного целого в условиях Новейшего времени. Рационализированная как всего лишь «забота о национальной безопасности» устремленность С. П. Королева в космос на самом деле *не была утилитарно обоснована*, как не был утилитарно обоснован порыв к звездам, стремление нести ответственность за Вселенную в «русском космизме». Так же, как и якобы «на первый взгляд» гедонистически ориентированная деятельность С. П. Дягилова на самом деле означала *прорыв к совершенно новым горизонтам эстетического*. «Мы — свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникает, но и нас же отметет. А потому, без страха и неверия, я подымаю бокал за разрушение стены прекрасных дворцов! Так же, как и за новые заветы новой эстетики»².

Русская культура, опираясь на свои города, особенно на Петербург, без которого новоевропейская Россия просто немислима, — русская культура, имея в своем наследии великие образцы «организаторов большого стиля», такие как С. П. Королев и С. П. Дягилев, обещает свой новый взлет в XXI в., где она займет подобающее ей место в мировом концерте культур.

¹ Связь С. П. Королева с Петербургом–Ленинградом более опосредствована и нуждается в специальном исследовании. Но нет сомнения в том, что дело, которое исполнил Королев, было продолжением дела Петербурга, Петра I и Ленина. Шпили Петербурга «предсказывали» полет в космос.

² Дягилев С. П. В час итогов... // Весы. 1905. № 4. С. 46–47.